

«Малая демократия» в развитии народовластия на местном уровне: Россия сквозь призму зарубежного опыта (на примере Канады)

The small forms in the development of democracy at the municipal level: Russia through the prism of foreign experience (on the example of Canada)

А.А.Ларичев,

*заведующий кафедрой конституционного и муниципального права
Карельского филиала РАНХиГС при Президенте РФ
кандидат юридических наук, доцент*

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы динамики местного самоуправления как формы народовластия и автономного института решения местных вопросов. На основе сопоставления современных изменений в основах местного самоуправления в России с развитием местного самоуправления в странах англо-саксонской модели (прежде всего - Канады), делается вывод о необходимости развития малых форм демократии на субмуниципальном уровне для обеспечения формирования эффективной модели народовластия на местном уровне.

Ключевые слова: местное самоуправление, народовластие, малые формы демократии, субмуниципальный уровень, опыт Канады.

Summary: The article discusses the problems of the dynamics of local government as a form of democracy and autonomous institution of local issues management. Based on the comparison of contemporary changes in the base of local government in Russia with the development of local government in the countries of the Anglo-Saxon model (first of all - Canada), the conclusion is made on the necessity of development of small forms of democracy at the sub-municipal level to ensure the formation of an effective model of democracy at the local level.

Key words: local government, democracy, small forms of democracy, sub-municipal level, experience of Canada.

В настоящее время в России ведется дискуссия не только о подходах к правовому регулированию местного самоуправления, но и наличии либо отсутствию концептуального кризиса местного самоуправления как такового.

С учетом динамики основ местного самоуправления в рамках муниципальной реформы¹ и ее отражения в решениях Конституционного суда РФ², многие специалисты указывают на системные изменения, разрыв традиционного представления о местном самоуправлении как форме народовластия, как элементе демократического устройства³. Говорится, напротив, и о том, что местное самоуправление может (долж-

но) быть встроено в государственный механизм⁴ (во всяком случае, его верхний территориальный уровень - муниципальные районы и городские округа⁵), что органы местного самоуправления должны быть деполитизированы, выполнять, в первую очередь, свое хозяйственное предназначение⁶. Таким образом, происходит фактическое различие и противопоставление местного самоуправления как формы народовластия и института решения хозяйственных вопросов на местном уровне.

В связи с этим возникает справедливый, хотя и парадоксальный для экспертного сообщества вопрос: А что такое местное самоуправление в принципе? Чем оно от-

личается от государственного управления на местах?

Представляется, что *местное самоуправление*, как совокупность форм местного (муниципального) управления и самоуправления граждан на местном уровне, характеризуется тремя признаками: институциональной и (или) функциональной автономией, а также подконтрольностью местному населению.

Под *институциональной автономией* следует понимать как ее формальную форму (то есть не включенность муниципальных органов в систему органов государственной власти, в том числе в силу различий в их правовой природе), так и управленческую (то есть отсутствие иерархии и прямого контроля за деятельностью местных органов со стороны центральных). При отсутствии либо неполноте одного из элементов институциональная автономия форм местного самоуправления будет являться в целом неполной.

Функциональная автономия, в свою очередь, предполагает наличие собственных, определенных законодательно предметов ведения (вопросов местного значения), закрепленных за муниципальными органами, а также относительную свободу действий и условий (в том числе инфраструктурных и финансовых) по их реализации (решению), выражающихся, в том числе, в наличии круга соответствующих полномочий.

Третье, что жизненно важно и определяюще: органы эти должны быть подконтрольны местному населению. Как утверждал российский ученый В.В.Ивановский, «...органы управления, не зависящие от общества, не суть органы самоуправления, потому что последнее есть самодеятельность общества...»⁷.

Основную критику сегодня в России вызывают, прежде всего, изменения в рамках последнего из указанных признаков,

выражающиеся в снижении объема народо-властия на местном уровне (сокращение выборности глав муниципалитетов и депутатов, внедрение института главы муниципального образования, назначаемого через конкурсную комиссию и т.д.)⁸, хотя значительное внимание уделяется и критическому анализу динамики функциональных основ местного самоуправления (в том числе, появлению механизма перераспределения законами субъектов РФ вопросов местного значения от органов местного самоуправления органам государственной власти субъектов РФ)⁹.

Известно, что когда на новом этапе конституционно-правового строительства в начале 1990-х гг. в России внедрялось местное самоуправление, то активно заимствовался зарубежный опыт, прежде всего европейский («западный»). Но есть ли в зарубежном опыте некий абсолют, эталон правового механизма, обеспечивающий все три составляющие полноценного местного самоуправления как автономной формы народовластия?

Как известно, континентальная модель местного самоуправления, распространенная в Европе, несмотря на развитые механизмы местного самоуправления и наличие международно-правовых гарантий его деятельности (Европейской хартии местного самоуправления), все же не предполагает, в большинстве случаев, наличия институциональной автономии органов местного самоуправления от системы органов государственной власти. Континентальной модели, несмотря на выборность местных органов, присуще определенное проникновение государственного влияния на местный уровень (присутствие представителя государственной власти на местах, контроль за законностью местных актов со стороны государственных чиновников, согласование кандидатур глав муниципалитетов с государством)¹⁰.

Многими авторами примером полноценной автономии самоуправления граждан считается, в свою очередь, англосаксонская модель местного самоуправления. Подразумевается, что в противовес континентальной, англо-саксонская модель предполагает широкую свободу деятельности муниципальных органов, отсутствие административной опеки и т.д.

Н.В.Постовой полагает, что рассматриваемые основные модели отличаются отношением местного самоуправления к государству: в рамках англосаксонской модели первое освобождается от государственных функций, в рамках континентальной - задействовано в их реализации¹¹.

Описывая соотношение основных моделей местного самоуправления, А.А.Уваров пишет: «в странах, где государство видит необходимость в последовательном проведении государственных интересов в решении вопросов местного значения, местное самоуправление представляет собой так называемых агентов правительства. И, наоборот, там, где государство оставляет решение местных вопросов на усмотрение самого населения, между органами государственной власти и местным сообществом возникают отношения партнерства»¹².

Однако более детальное изучение специфики англо-саксонской модели местного самоуправления заставляет ставить под вопрос наличие в ее рамках презюмируемой широкой автономии муниципальных органов и однозначного присутствия развитых и гарантированных форм народо-властия.

Следует отметить, что при анализе мировых моделей организации и осуществления местного самоуправления недостаточное внимание уделяется специфическим особенностям, вытекающим из правовой природы и статуса самих муниципалитетов. Различие, при этом, очевидно, поскольку в

континентальной модели муниципалитеты признаются *collectivité locale (collectivité territoriale)*¹³ («местным коллективом», «территориальным публичным коллективом»¹⁴), в то время как в англосаксонской модели они имеют статус особых политических и юридических субъектов, *municipal corporations* (муниципальных корпораций)¹⁵.

Говоря, в свою очередь, о муниципальной корпорации в англо-саксонской традиции, следует уточнить, что речь идет не просто о форме *субъекта публичного права* (которая присутствует и в рамках подхода к муниципалитету как «территориальному коллективу»), но специфике восприятия сущности муниципального управления как, прежде всего, хозяйственной деятельности и участия местного населения в этой деятельности в качестве «стейкхолдеров», «держателей акций»¹⁶.

Англо-саксонский подход отличает и то, что «община» («территориальный коллектив») не выделяется в качестве ядра социально-правовой сущности муниципальной корпорации. Население либо является одним из составляющих элементов корпорации, либо вовсе от нее отделено (в силу того, что корпоративным субъектом признаются органы местного управления), но само по себе не является носителем каких-то особых «коммунальных» прав, тем более гарантированных конституционно.

Если рассматривать положение муниципальных институтов в Великобритании, США, Канаде, то следует сделать вывод о наличии лишь частичной их институциональной автономии. С формальной точки зрения муниципалитеты не включены в иерархию государственной власти (не в последнюю очередь в силу отличия их правовой природы от природы государственно-властных институтов), однако фактически они являются не суверенным инструментом решения публичных задач на местном

уровне, подверженным значительному контролю со стороны государственных органов¹⁷.

Функциональная автономия муниципалитетов здесь также присутствует, однако она серьезно ограничивается рестриктивным (разрешительным) механизмом определения компетенции органов местного самоуправления и действием доктрины *ultra vires*¹⁸.

Наконец, органы местного самоуправления подконтрольны местному населению, однако в большинстве англосаксонских государств, и в том числе в Канаде, отсутствует, как таковое конституционное признание права на местное самоуправление и четкие конституционно-правовые гарантии участия граждан в решении местных вопросов, управлении местными делами. Отсутствие соответствующих гарантий имеет вполне определенные правовые и правоприменительные последствия: исходя из положения законодательства канадских провинций, органы государственной власти могут «дозначаать» членов муниципальных советов, игнорировать результаты проводимых референдумов и т.д.¹⁹

С учетом вышеизложенного, соответственно, есть ли что-то, что в рассматриваемом опыте муниципального строительства является все же положительным и что можно было бы взять на вооружение для оптимизации местного самоуправления как формы народовластия в России? Представляется, что да, и речь, прежде всего, идет о развитии форм *общественного соучастия* в осуществлении местного самоуправления на субмуниципальном уровне.

Равно как и в России, где широко обсуждается развитие института территориального общественного самоуправления²⁰, в Канаде, например, ведется дискуссия о развитии территориальных форм участия граждан в решении местных вопросов.

В г. Торонто созданы так называемые «общинные советы» (*community councils*), юрисдикция которых распространяется на территории упраздненных при слиянии старых муниципалитетов. В задачу советов входит взаимодействие с населением и подготовка рекомендаций общегородскому совету по принятию решений в отношении отдельных городских районов, а также регулирование нескольких делегированных городским советом вопросов, в основном благоустройства.

В Виннипеге активную роль играют местные консультативные группы жителей (*residential advisory groups*), которые информируют общинные советы о требующих решения локальных вопросах.

В г. Галифаксе и г. Монреале, общинные (*community*) и районные (*borough*) советы граждан, соответственно, законодательно наделены ограниченными *собственными* полномочиями по решению вопросов местного значения. Они не входят в систему общегородских органов, однако также признаются частью муниципальной корпорации²¹.

В настоящее время, соответственно, внимание уделяется поиску новых, территориально более компактных форм самоорганизации граждан для участия в решении вопросов местного значения. Например, в г. Торонто известен успешный опыт проекта по ревитализации и развитию городских районов, который предусматривает взаимодействие городских властей, частного бизнеса и местных жителей, при самом активном участии последних²².

Данный случай является подлинным примером децентрализации местного самоуправления, когда решения и ответственность принимают на себя сами жители, в противовес многим другим формам участия, когда жители пытаются донести до органов местного самоуправления инфор-

мацию о своих нуждах, но по разным причинам не всегда бывают услышаны.

Следует отметить, что рассматриваемая децентрализация, предполагающая фактически делегирование ряда полномочий органов местного самоуправления общественным структурам, начинает становиться доступной на муниципальном уровне в Канаде благодаря либерализации соответствующих положений в законодательстве о местном самоуправлении провинций.

В научной литературе Канады, Великобритании и других англо-саксонских стран эта новая модель самоорганизации граждан по участию в решении вопросов местного значения именуется *community governance* («общинное управление») ²³. Предполагающая большую степень автономии локальных сообществ в решении вопросов местного значения, данная модель предполагает активную роль самих граждан в развитии соответствующих институтов «снизу».

В некотором смысле *community governance* противопоставляется модели *community government* («общинная власть»), которая предполагает управление через те же органы местного самоуправления, но с большим контролем со стороны населения и расширенными формами его участия в принятии решений по местным вопросам ²⁴.

Представляется, в свою очередь, что в России, при наличии критики происходящих изменений в территориальных, организационных, функциональных основах местного самоуправления, развитию этого базового, локального уровня местной демократии уделяется недостаточное внимание.

Не отказываясь от общепринятых, «стандартных» демократических процедур, следует все же думать не столько о том, как удержать формальную оборону крепости под названием «народовластие», исходя из его классического понимания как совокуп-

ности выборных и референдумных форм на *общемunicipальном* уровне, сколько о том, как содействовать, с правовой точки зрения, развитию *самоуправления* в его первичном смысле, в форме прямого участия граждан в решении местных вопросов непосредственно в местах их проживания и работы. Иными словами, как содействовать развитию «малой демократии».

Почему это важно? К сожалению, в России, там, где даже после законодательных реформ 2014-2016 гг. в субъектах РФ прямая выборность глав муниципальных образований и представительных органов местного самоуправления сохранена (например, в поселениях), граждане зачастую не знают, за кого они голосуют, либо им не интересны выборы (индикатором чего является низкая явка ²⁵). Происходит это во многом потому, что они не чувствуют себя частью территориального публичного коллектива, не ощущают сопричастность к его развитию и не осуществляют *осознанный* контроль за происходящими на местном уровне процессами в межвыборный период.

Функционирование института выборов, в свою очередь, обеспечивается силами субъектов профессионального муниципального управления, в самих же выборах участвуют порой далекие от локальных проблем представители общенациональных партий. В отсутствие длительных традиций политической активности граждан, соответствующая форма народовластия нередко становится «легкой добычей» так называемых «политических машин», когда кандидаты спонсируются и продвигаются местными предпринимателями, либо региональными чиновниками, а граждане либо голосуют «в знак протеста», либо вообще никак не голосуют. Незрелое народовластие, возможно, не менее плохое явление, чем его отсутствие в принципе, поскольку жертвой политических игр становится му-

ниципальное хозяйство, механизмы обеспечения населением необходимыми благами.

Как указывает Н.В.Джагарян²⁶, формирование органов местного самоуправления путем свободных выборов - один из признаков демократического правового государства, но это не единственно приемлемый способ замещения публичных, в том числе муниципальных, должностей²⁷. Автор отмечает, что универсализация выборного принципа сопряжена с угрозами избыточной политизации и повышения конфликтности самоуправленческих отношений, включая не всегда плодотворную конкуренцию легитимностей. Применение отличных от прямых выборов способов замещения муниципальных должностей может, наоборот, оказывать, стабилизирующий эффект, хотя любые подобные способы должны отвечать природе местного самоуправления и не ставить под сомнение его самостоятельное осуществление населением²⁸.

Возвращаясь к зарубежному опыту, следует отметить, что в рассматриваемой в рамках данной статьи Канаде сто лет назад была схожая ситуация. Идеи отделить муниципальный уровень от политики были популярны еще в начале XX века среди так называемого *движения реформаторов*²⁹, выступавших за борьбу против коррупции на местном уровне, в том числе посредством институциональных мер. Одним из предложений сторонников реформ было внедрение «советов директоров» муниципальных корпораций, не связанных с какими либо политическими группами и заинтересованных лишь в хозяйственных успехах корпорации.

Итогом соответствующих реформ стал отход от «безусловной» выборности на местном уровне, внедрение института сити-менеджеров (что частично совпадает с текущей динамикой в российском законода-

тельстве и его применении). Следует отметить, что на местном уровне была запрещена и деятельность политических партий всех уровней.

Вместе с тем, гражданская активность населения не была подавлена, развивалась, в том числе, через указанные выше локальные формы «малой демократии». Сейчас, когда социальная активность граждан возросла, уже ставится вопрос о большем контроле граждан за деятельностью органов местного самоуправления в целом, либерализации статуса самих муниципалитетов, их институциональной и функциональной автономии. Эти тенденции находят свое отражение и в праве.

Российским законодательством (в частности, ФЗ №131³⁰) заложен широкий спектр форм прямого осуществления гражданами местного самоуправления, а также участия граждан в его осуществлении (включая территориальное общественное самоуправление (ТОС), собрания и конференции, публичные слушания, народную правотворческую инициативу, и т.д.). Вместе с тем, федеральное и региональное законодательство в большинстве случаев описывает данные формы контурно, а на уровне муниципалитетов, зачастую, связанная регулятивная деятельность и вовсе не осуществляется.

К примеру, если рассматривать институт ТОС: до сих пор четко не определен правовой статус этого института³¹, полностью ясно взаимодействие ТОС и органов местного самоуправления³², в законодательстве отсутствуют гарантии деятельности таких структур. И вместе с тем, там, где ТОС работает (а в России есть многочисленные положительные примеры развития этого института в регионах), очевиден рост интереса граждан к функционированию муниципальных институтов в целом. Самостоятельно решая проблемы на субмуниципальных территориях, входящих

в зону их проживания, трудовой деятельности и отдыха, люди начинают интересоваться непосредственной работой местной администрации, представительных органов, контролировать принятие конкретных управленческих решений и на общемуниципальном уровне.

Самостоятельная инициатива граждан может, при этом, финансово поддерживаться через формы самообложения для решения местных вопросов, благотворительность и добровольчество, которые, как отмечает И.В.Бабичев, широко использовались русским земством, однако до сих пор недостаточно применяются в рамках современной модели местного самоуправления³³.

Еще один пример связан с публичными слушаниями. Хотя они и не являются прямой формой самоуправления граждан, но представляют собой серьезный инструмент обратной связи, привлечения граждан к принятию важнейших вопросов развития муниципалитетов. Стоит отметить, что институт публичных слушаний в России, в сопоставлении с тем же канадским опытом, в базовом законодательстве о местном самоуправлении гораздо более четко формализован.

Вместе с тем, практика эффективного внедрения указанного института в муниципалитетах различных регионов России не является единообразной³⁴. До сих пор отсутствует единый подход к определению такого инструмента как электронные слушания³⁵, вызывает дискуссию ряд организационных вопросов проведения слушаний (в том числе, в части удобства участия в них населения), основания их обязательного проведения, учета мнений, высказанных при их проведении³⁶.

Следует также отметить, что в большинстве муниципалитетов публичные слушания даже по решению локальных вопросов (например, увеличение плотности

застройки в пределах конкретных городских кварталов) проводятся на общемуниципальном уровне, при этом плохо либо совсем не развит механизм субмуниципальных слушаний и консультаций органов местного самоуправления с местными жителями, в том числе на удобных для граждан площадках, приближенных к месту их проживания и работы.

Представляется, таким образом, что всемерное содействие развитию существующих, а также разработка и внедрение иных, возможно еще юридически не закрепленных, форм самоуправления граждан и участия граждан в решении местных вопросов, в том числе на локальном, субмуниципальном уровне, является важнейшей задачей, как для правотворцев, так и правоприменителей, экспертов, представителей научной общественности.

Только развитие указанных форм и вовлечение местного населения в непосредственное решение местных вопросов, как представляется, позволят получить местное самоуправление как эффективную, зрелую форму народовластия ответственных граждан, готовую к трем вышерассмотренным признакам автономии, и одновременно эффективный институт управления муниципальным хозяйством, без противопоставления указанных сущностей одного целого. На этом пути возможно и изучение положительного зарубежного опыта, включая опыт Канады.

Как указывал А.Токвилль, «местные собрания граждан ... есть для свободы то же, что и начальные школы для науки; они приносят ее в пределы досягаемости, учат людей, как пользоваться и наслаждаться ею. Народ может создать механизм свободного правительства, но без духа муниципальных учреждений не сможет обрести духа свободы»³⁷. Продолжая логику указанного известного изречения, формы «ма-

лой демократии» это та же школа, но уже для самого местного самоуправления.

¹ Федеральный закон от 27 мая 2014 года №136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»//Собрание законодательства РФ.2014. № 22. Ст. 2770; Федеральный закон от 03 февраля 2015 года № 8-ФЗ «О внесении изменений в статьи 32 и 33 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ. 2015. № 6. Ст. 886.

² Например, Постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности частей 4,5 и 5 статьи 35, частей 2 и 3 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и части 1 статьи 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области» в связи с запросом депутатов Государственной Думы от 1 декабря 2015 года №30-П//Собрание законодательства РФ.2015.№ 50. Ст. 7226.

³ См.: Костюков А.Н. Народовластие как конституционная ценность//Государственная власть и местное самоуправление.2016.№6; Шугрина Е.С. Самостоятельно ли население в определении структуры органов местного самоуправления//Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 41 - 51; Бялкина Т.М. Реализация конституционного принципа народовластия в системе местного самоуправления Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 1. С. 60 - 64.

⁴ См., например, Гончаров В.И. Институционализация системы местного самоуправления в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование. М.: Проспект, 2015. С.239.

⁵ См. Особое мнение судьи Конституционного суда РФ А.Н. Кокотова в Постановлении от 1 декабря 2015 года №30-П.

⁶ См.: Деполитизация местного самоуправления//Карелия. 2013. № 51 (2503). URL: <http://gov.karelia.ru/gov/Karelia/2503/3.html>; Эксперт: реформа местного самоуправления снизит конфликты. URL: <https://ria.ru/politics/20131212/983667608.html>

⁷ Ивановский В.В. Организация местного самоуправления во Франции и Пруссии. Казань: Издательство Императорского Казанского университета,1886. С.77.

⁸ Шугрина Е.С. Указ.соч.; Ларичев А.А. Правовое положение мэра и главы местной администрации в системе местного самоуправления (сравнительный опыт Канады и России) // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 5.С.191-197.

⁹ См.: Бабичев И.В. Новый этап муниципального строительства: возможности и риски // Местное право. 2014. № 3. С. 15-17; Ежукова О.А. Современный законодательный подход к правовому регулированию компетенции органов местного самоуправления// Конституционное и муниципальное право. 2015. № 3; Бялкина Т.М. Конституционный принцип самостоятельности местного самоуправления в решении вопросов местного значения на современном этапе муниципальной реформы//Конституционное и муниципальное право. 2016. № 5.С. 69-73.

¹⁰ Белоусова Е.В. Становление местного самоуправления как разновидности публичной власти в зарубежных странах//Международное публичное и частное право.2016.№1.С.31-34.

¹¹ Постовой Н.В. Местное самоуправление. Проблемы и перспективы. М.,2002. С.5.

¹² Уваров А.А. Местное самоуправление в соотношении с государственной властью в Российской Федерации: проблемы развития и взаимодействия: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 37-38.

¹³ См., например, ст.72 Конституции Франции . URL: http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/root/bank_mm/constitution/constitution_russe_version_aout2009.pdf.

¹⁴ Чиркин В.Е. Юридическое лицо публичного права. М., 2007. С. 192-193.

- ¹⁵ См. Ларичев А.А. Феномен «муниципальной корпорации»: к вопросу о правовой природе муниципалитетов в США и Канаде//Конституционное и муниципальное право.2016.№7.С.71-74.
- ¹⁶ Н.Л. Пешин отмечает, что, по мнению многих американских ученых, муниципалитет должен выступать как своего рода хозяйственная организация, цель которой – не извлечение прибыли, а «общее благо» - решение вопросов местного значения, удовлетворение общественных потребностей. См.: Современные проблемы организации публичной власти. Монография/отв.ред. Авакьян С.А. М.: Юстицинформ, 2014.С.306.
- ¹⁷ Allen H. Cultivating the Grass Roots: Why Local Government Matters. The Hague: IULA, 1990. P.22.
- ¹⁸ От лат. «вне полномочий». См.: Oxford Dictionary of Law. Oxford: University Press, 2001. P.153; Тенденции развития контроля за деятельностью публичной администрации в зарубежных государствах: монография /отв. ред. В.И. Лафитский, И.Г. Тимошенко. М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015. 446 с. (СПС «Консультант плюс»).
- ¹⁹ См. Ларичев А.А. Формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия граждан в его осуществлении: опыт Канады// Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016.№5.
- ²⁰ См., например: Баженова О.И. К проблеме правового регулирования территориального общественного самоуправления//Местное право.2015. №5. С.77-104; Ларичев А.А. Проблемы и перспективы развития территориального общественного самоуправления в сельских поселениях Республики Карелия// Перспективы развития сельских территорий. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Карельский филиал РАНХиГС, г.Петрозаводск (23 сентября 2015 года). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2016. С.119-125.
- ²¹ Local Government in a Global World: Australia and Canada in Comparative Perspective/ed. Brunet-Jailly E., Martin J.F. Toronto, 2010. P.68.
- ²² Modlinska E. Transformative Partnership in Urban Planning: the Storefront’s Resident-led Model for Community Engagement and Tower Renewal in Toronto. Toronto, 2014. P.9.
- ²³ См., например, Somerville P. Community Governance and Democracy//Policy and Politics.2005.Vol.33.No.1.P.117-144; Sullivan H. Modernisation, Democratisation and Community Governance//Local Government Studies.2001.Vol.27.Issue 3. P.1-24.
- ²⁴ См. Pillora S., McKinlay P. Evolution in Community Governance. Building on What Works: Literature Review.Vol. 2. University of Technology, Sydney. 2011.36 p.
- ²⁵ Доклад о состоянии местного самоуправления в Российской Федерации/под ред. Е.С. Шугриной. 2-е изд. перераб. и доп., М: Изд-во «Проспект», 2015. С.212.
- ²⁶ Джагарян Н.В. Конкурсный глава муниципального образования (местной администрации): особенности легитимации и проблемы совершенствования правового статуса// Конституционное и муниципальное право. 2016. №6 (СПС «Консультант-плюс»)
- ²⁷ См. также: Авакьян С.А. Публичная власть и представительство: организационные, социальные и персоналистские начала (конституционно-правовой взгляд)// Конституционное и муниципальное право. 2014. № 11.С. 20-30.
- ²⁸ Джагарян Н.В. Указ. соч.
- ²⁹ См. Weaver J.C. Tomorrow’s Metropolis Revisited: A Critical Assessment of Urban Reform in Canada, 1890-1920// The Canadian City: Essays in Urban History/Stelter G.A., Artibise A.F. (eds.). Toronto: McClelland and Stewart Limited, 1977.
- ³⁰ Федеральный закон от 06 октября 2003 № 131-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»//Собрание законодательства РФ. 2003.№ 40. Ст. 3822; 2016. № 27.Ч.1.Ст.4231.
- ³¹ См. Шугрина Е.С. Судебная практика по вопросам, связанным с созданием и ликвидацией территориального общественного самоуправления // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2012. № 1.С.20-25.
- ³² См.: Быкова А.Г., Гузий А.Е. К вопросу о взаимодействии органов местного самоуправления и органов территориального общественного самоуправления//Муниципальная служба: правовые вопросы.

2015. № 2. С. 12-15; Чеботарев Г.Н. Территориальное общественное самоуправление в системе местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11.

³³ Бабичев И.В. О некоторых актуальных тенденциях и задачах развития местного самоуправления//Местное право. 2015.№6. С.19.

³⁴ См.: Ларина Н.В. Публичные слушания через призму общественных обсуждений // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 9. С. 63-69.

³⁵ См.: Зенин С.С. Электронные публичные слушания //Юридический мир. 2008. № 1. С. 28-32.

³⁶ См.: Комарова В.В. Особенности непосредственного народовластия на местном уровне осуществления публичной власти // Евразийский юридический журнал. 2013. № 11.С.87 -89.

³⁷ Tocqueville A. Democracy in America.V.1.New York, 1954.